

А. Н. Тихонов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА, РОЖДЕННОГО СУРРОГАТНОЙ МАТЕРЬЮ

Право стать родителем рассматривается в качестве отдельного элемента правоспособности каждого человека и не может быть ограничено. Отсутствие физиологической возможности стать родителем компенсируется развитием медицины, в частности посредством суррогатного материнства, и не может влиять на правоспособность лица. В статье исследуются юридические основания для внесения сведений о родителях ребенка, рожденного суррогатной матерью, в книгу записей рождений. Рассматривается возможность расширения перечня случаев применения суррогатного материнства.

Большое количество споров вызывает вопрос, касающийся возможности отказа суррогатной матери от дачи согласия на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. Решение этого вопроса влияет на возможность реализации права ребенка знать своих кровных родителей, иных близких родственников с учетом того, что речь идет о лицах, генетически связанных между собой. Исследуется возможность определения четких критериев при разрешении споров о том, с кем оставить ребенка – с суррогатной матерью или с генетическими родителями. Сложность заключается в том, что, помимо материально-бытовых, иных условий, необходимо установить, в частности, моральные качества и другие обстоятельства, характеризующие личность суррогатной матери, генетических родителей, с целью всесторонней защиты интересов ребенка. Анализируется влияние психоэмоционального состояния суррогатной матери в послеродовой период на легитимность данного ею согласия.

Ключевые слова: происхождение ребенка, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, генетические родители, суррогатная мать, эмбрион

Для цитирования

Тихонов А. Н. Установление происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 47–54. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47.

УДК 347.6

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47

К одной из главных задач российской правовой системы относится всесторонняя защита прав и законных интересов ребенка. Конституцией РФ гарантируется защита материнства, детства, семьи, обеспечиваемая государством.

Приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних членов семьи относится к принципам семейного права. Равное право и обязанность родителей заботиться о своих детях и воспитывать их закреплены ст. 38 Конституции РФ. Основанием возникновения правовых связей между родителями

и детьми является установленное и удостоверенное в соответствии с семейным законодательством происхождение ребенка. По общему правилу, оно определяется кровным родством с конкретными мужчиной и женщиной.

Однако есть исключения, в частности случаи рождения ребенка в результате применения методов искусственной репродукции человека, предусмотренных ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В число методов

лечения бесплодия входит суррогатное материнство, которое представляет собой вынашивание и рождение ребенка по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (п. 9 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Допуская возможность заключения соответствующего договора, законодатель не регулирует возникающие в результате этого отношения в должной мере, что порождает правовую неопределенность по ряду ключевых вопросов. В частности, А. В. Майфат указывает на необходимость законодательного закрепления требований к договорам, заключаемым в сфере репродуктивных технологий, и др. [Майфат 2009].

Пунктом 3 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определен круг лиц, имеющих возможность заключить договор суррогатного материнства. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» конкретизирует перечень случаев, позволяющих вышеуказанным лицам участвовать в программе суррогатного материнства, исключая такую возможность для одинокого мужчины.

В правоприменительной практике отсутствует единое мнение о возможности одинокого мужчины заключить договор суррогатного материнства. Удовлетворяя требования одиноких мужчин о внесении записи о них в качестве единственного родителя, суды основываются на нормах Конституции РФ, закрепляющих равенство прав граждан¹. Так как мужчины и женщины равны по объему прав и в возможностях их реализации, то право обратиться к суррогатной матери может иметь, вероятно, и мужчина.

¹ Решение Дзержинского районного суда города Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. по делу № 2-980/2020 // URL: https://dzt--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=413197056&case_uid=0e8b6700-3c19-4b85-b1f8-3704c3c21c7a&delo_id=1540005 (дата обращения: 30.12.2021).

Существует и прямо противоположная позиция суда. Так, гражданин обратился в суд с требованием обязать орган записи актов гражданского состояния внести запись о нем как об отце детей, рожденных суррогатной матерью. Суррогатная мать подтвердила факт наличия между ней и истцом договора о вынашивании ей ребенка. Стороны исполнили предусмотренные договором обязательства в полном объеме, взаимных претензий не имеют. Суд в вышеуказанных требованиях отказал, ссылаясь на то, что порядок государственной регистрации рождения детей, рожденных суррогатной матерью, с записью одинокого мужчины в качестве единственного родителя законодательством не определен. Суд обязал орган загс произвести регистрацию рождения детей без указания сведений как об отце, так и о матери².

Нет единой точки зрения по этому вопросу и в науке. Говорится, что отсутствие соответствующей нормы, предусматривающей право одинокого мужчины заключить договор суррогатного материнства, нарушает его конституционные права. Есть и противоположное мнение, согласно которому суррогатное материнство представляет собой один из методов лечения исключительно женского бесплодия, вследствие чего одинокий мужчина не может быть стороной договора суррогатного материнства [Стеблева 2012: 14–15].

Правоспособность каждого гражданина включает в себя право стать родителем, а также право реализовать себя в качестве родителя – выполнять определенную социальную роль. Выполняя социальную роль, лицо наделяется родительскими правами и несет предусмотренные законом обязанности в отношении конкретного ребенка или детей. Право стать родителем следует рассматривать в качестве отдельного элемента правоспособности каждого человека. Сама возможность стать родителем обусловлена естественными репродуктивными функциями человеческого организма. Это право не может быть ограничено, тем более никто не может быть лишен данного элемента правоспособности. Отсутствие физиологической возможности стать

² Решение Тушинского районного суда города Москвы от 19 марта 2014 г. по делу № 2-1472/2014 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YYYYn641AVGUP/> (дата обращения: 30.12.2021).

родителем не может влиять на его правоспособность [Ворожейкин 1972: 166–167].

Развитие медицины сегодня позволяет компенсировать указанную физиологическую недостаточность, в частности, посредством суррогатного материнства. Однако, допуская возможность для одинокого мужчины стать родителем посредством суррогатного материнства, следует определить цели данного правового института. Если рассматривать суррогатное материнство как способ лечения бесплодия, используемый в случаях, когда женщина в силу медицинских показаний не может выносить и родить ребенка, то применение такого метода по отношению к одинокому мужчине представляется необоснованным в силу того, что любой мужчина не может родить и выносить ребенка в принципе. Если считать суррогатное материнство одной из возможных медицинских услуг, к которой можно прибегнуть по желанию лиц, тогда не должно быть ограничений и в отношении одиноких мужчин. Допустив возможность участия одинокого мужчины в программе суррогатного материнства, следует отметить, что это может создать условия для недобросовестного поведения граждан. В частности, когда у женщины по тем или иным не связанным с медицинскими показаниями причинам отсутствует желание рожать, то, расторгнув брак, мужчина может заключить договор суррогатного материнства, а в качестве донорского материала использовать генетический материал своей «бывшей» супруги.

В судебной практике есть интересный пример, связанный с предоставлением донорского материала заказчиком. Мужчина после криоконсервации своего биоматериала выдал письменное согласие, в котором предоставил своей матери право распоряжаться его биоматериалом. Позже биоматериал мужчины был использован его матерью для оплодотворения донорских ооцитов. Полученный эмбрион был имплантирован суррогатной матери. В последующем мать мужчины была записана в качестве матери ребенка, рожденного по договору суррогатного материнства¹.

¹ Дмитриева А. Судьи не пришли к единому мнению, как следует регистрировать родившихся от суррогатной матери детей. 2019 // URL: <https://www.garant.ru/article/1273537/> (дата обращения: 30.12.2021).

С учетом наличия у лиц, участвующих в программе суррогатного материнства, возможности определять донора, следует, вероятно, исключить из закона ограничения, согласно которым обращение к суррогатной матери возможно только по медицинским показаниям.

К юридическим основаниям внесения записи о родителях в книгу записей рождений относятся согласие супругов на имплантацию эмбриона суррогатной матери, согласие суррогатной матери на имплантацию и вынашивание эмбриона, а также согласие на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. В силу п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»

Если суррогатная мать согласна передать ребенка, а супружеская пара отказывается от него по мотивам нарушения условий данного ими согласия, имущественную ответственность, как представляется, должна нести медицинская организация

(далее – Постановление № 16) в информированном письменном согласии генетических родителей должно быть указано, согласны ли лица, заключившие договор суррогатного материнства, или одно из них на использование донорского биологического материала и каков срок действия такого согласия.

Генетические родители вправе оспаривать запись о себе как о родителях в случае медицинской ошибки (например, если они давали согласие на использование своего биологического материала, а был использован донорский). Возникает вопрос о том, как можно обеспечить защиту прав ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства. Если суррогатная мать согласна передать ребенка, а супружеская пара отказывается от него по мотивам нарушения условий данного ими согласия, имущественную ответственность, как представляется, должна нести медицинская организация. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. предусматривает, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране

и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения».

Вследствие этого требуется специальное нормативное регулирование ситуаций, когда генетические родители уклоняются (отказываются) от внесения в книгу записей рождений сведений о себе как о родителях рожденного суррогатной матерью ребенка. Вне зависимости от причин такого уклонения (болезнь, физическая неполноценность ребенка и др.), при наличии между ними генетической связи или согласия супругов на использование донорского биоматериала семейное законодательство должно устанавливать правило, по которому такие лица будут записаны в качестве родителей, а одинокая женщина – в качестве матери ребенка. В случаях уклонения указанных лиц интересы ребенка должны представлять орган опеки и попечительства, иные указанные в законе лица.

При наличии договора о суррогатном материнстве согласие на медицинское вмешательство, как представляется, лишено правового смысла. Подписанный сторонами договор суррогатного материнства может быть надлежащей формой выражения согласия на проведение соответствующих медицинских процедур. В соответствии с п. 10 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» если женщина состоит в браке, необходимо получение согласия ее мужа. В ином случае она не может быть суррогатной матерью. Если гражданин признан безвестно отсутствующим, а также если невозможно установить местонахождение гражданина, женщина может стать суррогатной матерью только после расторжения брака.

Большое количество споров вызывает вопрос, касающийся возможности отказа суррогатной матери от дачи согласия на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. Р. Б. Брюхов отмечает, что «законная возможность отказа суррогатной матери в передаче ребенка генетическим родителям де-факто делает бессмысленными как договорное регулирование отношения между сторонами, так и весь комплекс медицинских процедур, связанных с вынашиванием и родами генетически чуждого эмбриона» [Брюхов 2016: 164]. Если суррогатная мать записывается в качестве родителя ребенка, к генетическим родителям должны применяться правила п. 3 ст. 52 СК РФ. Супруги, давшие

согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, лишаются права ссылаться на факт генетической связи с ребенком при оспаривании записи о родителях в книге записей рождений. В такой ситуации генетические родители выступают донорами эмбриона, имплантированного суррогатной матери. При этом право генетических родителей на определение судьбы своего биологического материала попросту игнорируется. Более того, судьба генетически происходящего от них эмбриона решается помимо их воли, что противоречит основам правопорядка.

Исходя из смысла норм Семейного кодекса особое значение придается кровному происхождению одного лица от другого. В частности, при установлении отцовства в судебном порядке устанавливается именно факт происхождения ребенка от конкретного лица (ст. 49 СК РФ). В связи с этим возникает вопрос о возможности реализации права ребенка знать своих родителей, иных близких родственников с учетом того, что речь идет о лицах, генетически связанных между собой. Также в условиях отсутствия правовой связи с генетическими родителями, иными близкими родственниками непонятно, как будут реализовываться, например, ограничения на вступление в брак близких родственников.

Предусмотренный семейным законодательством приоритет в решении вопроса о передаче ребенка суррогатной матерью генетическим родителям нивелируется судебной практикой. Так, в случаях отказа суррогатной матери передать ребенка генетические родители имеют право обратиться в суд за защитой своего права быть записанными в качестве родителей. Осуществить свое право генетические родители могут только после вынесения соответствующего судебного решения и его вступления в законную силу. «Указанный акт на основе норм права в силу юридических фактов превращает возможность осуществления субъективного права в принудительном порядке в действительность. Именно с момента вынесения соответствующего акта (для решения – с момента вступления в законную силу) право истца становится действительно осуществимым в принудительном порядке» [Красавчиков 2005: 195].

Следует также отметить, что судебное решение само по себе не может изменять или

прекращать правоотношение, связанное с установлением происхождения ребенка. В частности, О. А. Красавчиков предлагал «рассматривать судебное решение в качестве одного из звеньев в общей цепи обстоятельств и фактов, выражающих движение гражданско-правовой связи, видеть его в качестве элемента юридического состава движения...» [Там же: 191]. В правоотношении, связанном с установлением происхождения ребенка, судебное решение позволит заменить отсутствующее согласие суррогатной матери на запись супружеской пары в качестве родителей.

Согласно п. 31 Постановления № 16 суд, разрешая спор, должен выяснить, имелся ли договор суррогатного материнства, каковы его условия, есть ли у истцов генетическая связь с ребенком, каковы причины отказа суррогатной матери от дачи согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, а также иные обстоятельства. Оценивая указанную позицию, А. Н. Кокотов высказывает опасение, что споры об установлении материнства, возникающие между суррогатной матерью и генетическими родителями, будут разрешаться судами в пользу генетических родителей исходя «из наличия у них лучших по сравнению с суррогатной матерью материально-бытовых, иных условий для развития и воспитания детей»¹.

Интерес представляет возможность выработки четких критериев при разрешении вопроса об оставлении ребенка у суррогатной матери или передачи его генетическим родителям. Согласно Конвенции о правах ребенка 1989 г. «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания... ребенок должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе и воспитан в духе идеалов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций, и особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности». Разрешая спор с учетом всесторонних интересов ребенка, суды должны будут установить, в частности, моральные качества и другие обстоятельства, характеризующие личности

как суррогатной матери, так и генетических родителей.

Нужно отметить, что согласно нормам семейного законодательства необходимо наличие генетической связи рожденного ребенка хотя бы с одним из потенциальных родителей. Следовательно, отсутствие генетической связи у одного из супружеской пары само по себе не может служить основанием для отказа записать его в качестве родителя.

Представляется, что выработать четкие критерии, позволяющие суду разрешить спор о том, оставить ли ребенка с суррогатной матерью, которая его родила, или передать генетическим родителям, будет весьма затруднительно. Возложение на суды бремени определять, с кем оставить такого ребенка, в условиях отсутствия законодательно закрепленных критериев представляется необоснованным.

Как уже говорилось, основанием для возникновения правовой связи между родителями и ребенком будет соответствующая запись в книге записи рождений, производимая органом записи актов гражданского состояния. К числу юридических оснований для внесения записи о родителях в книгу записи рождений договор суррогатного материнства законом не отнесен. При этом соответствующий договор является основанием для возникновения правоотношений суррогатного материнства [Момотов 2019: 33]. Заключая договор, суррогатная мать подтверждает свое согласие выносить и родить ребенка для супружеской пары. Как отмечается в правовой науке, законодательное закрепление договора о суррогатном материнстве в качестве одного из оснований для внесения сведений о родителях в книгу записи рождений, позволило бы разрешить правовую коллизию, возникающую в случаях, когда суррогатная мать не может выразить согласие на передачу ребенка генетическим родителям, в частности, погибая во время родов [Коршунова 2015: 206; Левушкин 2018: 42]. Договор суррогатного материнства является обязательным элементом юридического состава правоотношения, связанного с установлением происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью. При этом когда по объективным причинам согласие суррогатной матери на запись лиц в качестве родителей получить не представляется возможным, отсутствие

¹ Кокотов А. Н. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ. 2018 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=557002&dst=100001#hGSehzSW6eQlZSg81> (дата обращения: 30.12.2021).

такого согласия может быть компенсировано судебным решением.

Во время вынашивания ребенка и родов женщина переживает сложный с точки зрения психоэмоционального состояния период, обусловленный физиологическими факторами. В литературе говорится, что «беременность и роды являются выраженным стрессом для женщины и могут провоцировать у нее возникновение многих серьезных нарушений в психическом здоровье» [Белов, Туманова 2008: 55]. В послеродовой период женщины нередко подвержены депрессии, выраженной в разной степени, в зависимости от физического и психоэмоционального состояния роженицы. Согласно исследованиям, проведенным по данному вопросу, послеродовые психозы возникают у одной-двух рожениц из тысячи. Среди психозов генеративного периода послеродовой психоз составляет 50–80 %. Риск возникновения психического заболевания в первые три месяца после родов увеличивается в 16–20 раз по сравнению с периодом до зачатия (у первородящих риск в 35 раз выше, чем у повторнородящих) [Там же: 54].

В связи с этим важно учитывать, какое влияние может оказывать психоэмоциональное состояние суррогатной матери в послеродовой период на ее возможность принимать осознанные решения. Думается, что когда женщина находится в состоянии тяжелой депрессии или послеродового психоза, она не всегда может в полной мере понимать значение своих действий. Результатом тяже-

лого депрессивного состояния может быть и безразличное отношение суррогатной матери к правовым последствиям данного ею согласия на передачу ребенка. Дача согласия, как юридически значимое действие, может повлечь правовые последствия, при условии того что суррогатная мать понимает значение данного ею согласия.

В иных случаях возможно назначение психиатрической экспертизы, целью которой будет установление ряда юридически значимых обстоятельств. Определить нужно, во-первых, степень тяжести психического состояния суррогатной матери, во-вторых – влияние ее психоэмоционального состояния на возможность в полной мере понимать значение своих действий. Соответственно, данное суррогатной матерью согласие на передачу ребенка генетическим родителям может оспариваться в судебном порядке. Если согласие суррогатной матери будет оспорено, ребенок не может быть передан генетическим родителям до момента выздоровления женщины. Нужно учитывать и тот факт, что период выздоровления может быть достаточно длительным, что может в итоге сделать передачу ребенка недопустимой.

В условиях признания российской правовой системой возможности стать родителями посредством суррогатного материнства, а именно в этом заключается основная цель данного правового института, отдавать приоритет мнению суррогатной матери представляется спорным.

Список литературы

- Белов В. Г., Туманова Н. Н. Нервно-психические расстройства у женщин в послеродовом периоде // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2008. Т. 9. № 1. С. 50–55.
- Брюхов Р. Б. Договор о суррогатном материнстве по законодательству России, Казахстана и Белоруссии // Частное право. Преодолевая испытания: К 60-летию Б. М. Гонгалло. М.: Статут, 2016. С. 160–166.
- Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
- Коршунова Е. А. Правовые основы суррогатного материнства: анализ правоприменения // Science Time. 2015. № 5. С. 204–208.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 494 с.
- Левушкин А. Н. Охрана и защита прав ребенка при суррогатном материнстве и иных методах искусственной репродукции // Защити меня. 2018. № 3. С. 40–42.
- Майфат А. В. О необходимости принятия Федерального закона «О репродуктивных правах граждан» // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 152–155.
- Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. 2019. № 1. С. 29–39.

Стеблева Е. В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.

Андрей Николаевич Тихонов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Establishing the Origin of a Child Born to a Surrogate Mother

The right to become a parent is considered as a separate element of each person's legal capacity and cannot be restricted. In the paper, the legal grounds for entering information about the parents of a child born by a surrogate mother into the birth record book are studied. The possibility of expanding the list of cases of using surrogate motherhood is discussed.

A large number of disputes are raised by the question concerning the possibility of a surrogate mother refusing to consent to the registration of a married couple as the parents of a child. The resolution of this issue affects the possibility of realizing the child's right to know his blood parents, other close relatives, taking into account that we are talking about persons genetically related to each other. The possibility of defining clear criteria for resolving disputes regarding who to leave the child with (with a surrogate mother or with genetic parents) is analyzed. The difficulty lies in the fact that, in addition to material and other conditions, it is necessary to establish, in particular, moral qualities and other circumstances characterizing the personality of the surrogate mother, genetic parents, in order to comprehensively protect the interests of the child. The influence of the psychoemotional state of the surrogate mother in the postpartum period on the legitimacy of her consent is analyzed.

Keywords: origin of the child, assisted reproductive technologies, surrogacy, genetic parents, surrogate mother, embryo

Recommended citation

Tikhonov A. N. Ustanovlenie proiskhozhdeniya rebenka, rozhdenного surrogatnoi mater'yu [Establishing the Origin of a Child Born by a Surrogate Mother], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 47–54, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47.

References

Belov V. G., Tumanova N. N. Nervno-psikhicheskie rasstroistva u zhenshchin v poslerodovom periode [Neuropsychiatric Disorders in Women in the Postpartum Period], *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 50–55.

Bryukhov R. B. *Dogovor o surrogatnom materinstve po zakonodatel'stvu Rossii, Kazakhstana i Belorussii* [Surrogacy Agreement under the Legislation of Russia, Kazakhstan and Belarus], *Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya: K 60-letiyu B. M. Gongalo* [Private Law. Overcoming Trials: To the 60th Anniversary of B. M. Gongalo], Moscow, Statut, 2016, pp. 160–166.

Korshunova E. A. Pravovye osnovy surrogatnogo materinstva: analiz pravoprimereniya [Legal Foundations of Surrogacy: Analysis of Law Enforcement], *Science Time*, 2015, no. 5, pp. 204–208.

Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava* [Categories of Civil Law Science], Moscow, Statut, 2005, vol. 2, 494 p.

Levushkin A. N. Okhrana i zashchita prav rebenka pri surrogatnom materinstve i inykh metodakh iskusstvennoi reproduksii [Protection of the Rights of the Child in Surrogacy and Other Methods of Artificial Reproduction], *Zashchiti menya*, 2018, no. 3, pp. 40–42.

Maifat A. V. O neobkhodimosti prinyatiya Federal'nogo zakona «O reproductivnykh pravakh grazhdan» [On the Need to Adopt the Federal Law «On Reproductive Rights of Citizens»], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2009, no. 3, pp. 152–155.

Momotov V. V. Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimereniya (surrogatnoe materinstvo) [Bioethics in the Context of Legislation and Law Enforcement (Surrogacy)], *Lex russica*, 2019, no. 1, pp. 29–39.

Stebleva E. V. *Problemy realizatsii prav uchastnikov otnoshenii surrogatnogo materinstva* [Problems of Realization of the Rights of Participants in Surrogacy Relationships]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2012, 18 p.

Vorozheikin E. M. *Semeinye pravootnosheniya v SSSR* [Family Legal Relations in the USSR], Moscow, Yurid. lit., 1972, 336 p.

Andrey Tikhonov – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of civil law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Дата поступления в редакцию / Received: 11.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 20.04.2022